

Мясин Леонид
(младший) хореограф

13.04.05.

«Мы имеем возможность в воздухе поэзию писать»

Балеты Леонида Мясина в Большом театре

Комерсантъ - 2005 - 13 апр. - с. 22
премьера балет

Завтра на основной сцене Большого театра впервые в России покажут балеты Леонида Мясина — русского хореографа с мировым именем, практически неизвестного на родине. Три самых популярных его спектакля — «Треуголку», «Предзнаменования» и «Парижское веселье» — на сцену Большого перенес сын хореографа Леонид (Лорка) Мясин-младший. На премьере главную роль в «Треуголке» исполнит Жозе Мартинес, этуаль Парижской оперы. **ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА** спросила **ЛЕОНИДА МЯСИНА-младшего** об особенностях работы в Москве.

— Почему вы ставите в Большом именно эти балеты вашего отца?

— Потому что они до сих пор актуальны. Вот «Треуголка» — живопись Пикассо, испанский стиль, это же не умерло, это всегда было и будет. Балет-симфония «Предзнаменования» такой современный, вы просто не поверите. 1933 года рождения, а как будто сделан вчера. «Парижское веселье» — мир шуток, легкости, разве юмор устаревает?

— **Московская труппа умеет шутить?**

— Конечно, они же русские, не немцы. Они умеют шалить. Весь материал мы поставили в три недели. Дальше надо было чистить и отрабатывать. А у меня чуть не каждый день менялись исполнители. Репертуар в Большом колоссальный, они все время были где-то заняты. Мне кажется, в Большом мало танцовщиков. Надо бы вдвое больше для спокойной работы. С мужчинами особенно трудно — все время болеют. С женщинами мне проще, может, потому, что я их просто обожаю. Классика им дается легко — в «Предзнаменованиях» все просто летают, как пулеметы. Только надо развить немножко лиризм, который немножко исчез из русской школы.

— **Отец сам учил вас своим балетам?**

— У него не было времени быть отцом. Я учился в Парижской консерватории и немного в Америке. И всякие профессора меня мучили с утра до ночи, и я их ненавидел, мне хотелось в футбол играть и за девушками ухаживать. Отец, конечно, хотел, чтобы я хорошо занимался и в будущем стал его ассистентом. Поэтому учил со мной свои балеты. Но как самостоятельного автора меня не признавал, а ведь я в 16 лет уже сделал первую постановку, а в 18 создал компанию и разъезжал по всей Европе. Но отца это мало интересовало. Но когда я поставил балет на музыку Сати — такой дайджест на всю его эпоху, — он пришел за кулисы и сказал привези труппе, как он горд своим сыном. Это было невероятно.

— **А ваша мать занималась вами?**

— У нее тоже времени не было, она была ассистенткой отца и разъезжала с ним по всему миру. Нет, я был в руках профессоров. И сестру мою тоже отдали в балет. Ей было очень трудно иметь брата и отца в той же профессии. Но у нее сильный характер — она совершенно переменяла карьеру и стала психиатром. Мне, очевидно, с ума сводили.

— **А вы не хотели переменить профессию?**

— А, нет, это невозможно. Но я люблю много разных вещей, спортом занимаюсь, по джигитсу уже в 35 лет имел чер-

ный пояс, я даже инструктор. Знаю дзюдо, каратэ. На гитаре играю, на фортепиано, читаю много. Был трижды женат и каждой жене дарил детей — не могу женщинам отказывать. У меня три мальчика и девочка. Все русские, а никто по-русски не говорит. Настасья, Роман, Тигран и Алеша. В балет они не пошли, хотя я и старался. Но, видно, в генах было что-то не то. Дочка тренирует лошадей. Один сын у меня миллионер, занимается деньгами, учит других, как их тратить, и тратит сам.

— **Вы успели пожить на том сказочном острове в Средиземном море, который купил ваш отец?**

— Все мое детство там прошло. Остров был дикий — ветер, бури, рыбалка, просто рай. Это была моя территория, моя земля. Туда к отцу приезжали все — Пикассо, Кокто, Стравинский. Остроумцы, невероятные интеллектуалы, потрясающее время.

— **Вы продали остров Рудольфу Нурееву?**

— Это было как нож в сердце. Но что делать? В жизни приходится страдать. Остров не может быть чьим-то, он принадлежит природе. Отец старался не покидать его без особой необходимости. И, кажется, сделал большую ошибку. Ему надо было иметь свою труппу — как Баланчину, как всем великим хореографам. Но чтобы сделать труппу, надо

искать субсидии, вести переговоры, общаться с разными людьми. А он не любил светской жизни, не занимался политикой, не умел хлопотать, не хотел связываться с государством. Администратором был никаким. Его постепенно перестали приглашать театры, последние 20 лет он уже ничего не ставил (Леонид Мясин умер в 1979 году — „Ъ“). Сидел на острове и писал книги по балетной теории, создал совершенно новую систему записи танца. Я видел его рукописи, безумно интересно, просто революция. Но теперь это никому не нужно: ведь расшифровывать балетные записи — как китайский язык учить. Теперь все по видео балеты учат, быстрее, быстрее. Что-то поставили, а зачем, почему — нет времени подумать, надо ставить следующее.

— **Но ведь ваш отец тоже ставил очень быстро.**

— Тогда артисты очень много репетировали. Никаких ограничений во времени. Это сейчас они все время смотрят на часы. Полтора часа — хоп, репетиция кончилась. Будь артист хоть в воздухе в это время, все, работа сворачивается. Все куда-то бегут, торопятся. А ведь балет — не «джоб» какой-то. Это невероятное искусство, которое очень близко к Богу, потому что оно выходит от всего. Оно летает... Не в смысле прыжка, вы понимаете. Это своего рода религия. Не надо ходить в церковь, если не хочется молиться. А если молишься, надо делать это с душой. Репетиция — невероятный момент, когда артист и балетмейстер говорят об очень высоких темах.

— **Похоже, эта тема стала для вас особенно актуальна после работы с артистами Большого.**

— Нет, везде так. Никто не понимает, что быть артистом — колоссальная привилегия. Иные в офисе торчат целый день, а мы имеем возможность в воздухе поэзию писать. Здесь нет места для бюрократов, это не служба, это служение.